

Уолтер ДЭНИНГ

ЖИЗНЬ
МИЯМАЭТО МҮРАЭВИ

ИЗ ЖИЗНИ ТАРАДЗАЭМОН

Среди вассалов Асикаги Ёситэру, тринадцатого сёгуна из рода Асикага (1546—1565), был человек по имени Ёсиока Тародзаэмон. Тародзаэмона знали как одного из лучших воинов своего времени; честный и смелый, он был хорошо образован и имел репутацию хорошего отца и надежного друга. Его знали также как превосходного фехтовальщика, неоднократно прославившего свое имя в сражениях. Ёситэру был наслышан о талантах Тародзаэмона в военном деле, и однажды сёгун собрал известных фехтовальщиков со всех концов страны и приказал им состязаться с Тародзаэмоном. Все шестнадцать один за другим потерпели поражение. Тогда впечатленный Ёситэру пожаловал Тародзаэмону имя Мунисай, то есть «Непобедимый».

После гибели Ёситэру его вассалы рассеялись по стране, вынужденные обеспечивать себя как придется. У Мунисая были знакомые в замке Химэдзи в Хариме. Он отправился туда и поселился в близлежащей деревне, которая называлась Симми. Там он снял для себя и своей семьи дом и стал зарабатывать на жизнь уроками фехтования. У Мунисая было двое сыновей: старшего звали Сэйдзабуро, а младшего — Ситиноскэ. Мунисай очень любил своих детей, считал их величайшим сокровищем, доставшимся ему. Старший мальчик был тихого, застенчивого нрава, гармонизировавшего с его изящным телосложением. Зато младший с самого детства отличался чрезвычайной живостью, смелостью и предприимчивостью. Ситиноскэ все схватывал на лету.

Очень рано он заинтересовался стилем фехтования Мунисая, и легкость, с которой он подражал отцовским движениям, поражала соседей и знакомых.

К двенадцати годам Ситиноскэ обладал умом двадцатилетнего и телесной силой семнадцати-восемнадцатилетнего юноши. Вскоре он обнаружил, что стал сильнее всех в своей деревне. Померившись силами со всеми юношами в Симми и над всеми одержав победу, он принялся искать себе новых соперников для борьбы или фехтования.

Ничто не радовало его больше, чем встреча с молодцом вдвое большим, чем он сам. Несмотря на увлечение единоборством, он не был задирой, но, напротив, был известен своим заступничеством. Многие мальчики в округе благодаря ему избавились от обидчиков.

Однако убежденность в своем превосходстве над окружающими сделала его самоуверенным, своевольным и тщеславным. Ситиноскэ решительно отказывался признавать за окружающими какие-либо права. Отовсюду Мунисая поступали жалобы от пострадавших от его младшего сына. И хотя необычайные способности, проявленные мальчиком, радовали его необыкновенно, отец не потакал ему.

Гордясь многочисленными талантами своего отпрыска, он тем не менее понимал, что если Ситиноскэ не обучится практике самоконтроля, то вырастет никчемным и очень скоро может так случиться, что его жизнь оборвет меч какого-нибудь более умелого бойца. Мунисай многократно бранил Ситиноскэ за дурное поведение, но все его выговоры не производили никакого впечатления на непокорного сына. Тогда отец решил, что, может быть, страх сумеет привести мальчика к покорности. Однажды, когда Ситиноскэ находился дома, Мунисай вышел во двор и принялся метать кинжалы в мишень. Мунисай был исключительным мастером этого дела, но, желая спровоцировать насмешку сына, он несколько раз намеренно промахнулся. Ситиноскэ, увидев отцовский промах, расхохотался.

Мунисай повернулся к нему и воскликнул:

— Гнусный маленький негодяй! Как смеешь ты смеяться над своим родителем?! Только попробуй засмеяться еще раз и тогда смотри, как бы я тебя не зарубил.

На что Ситиноскэ без тени страха ответил ему:

— Хоть ты и родитель мне, но ты же не думаешь, что можно сдержать смех, когда видишь такое? Ты стоишь совсем рядом с мишенью — и все равно промахиваешься. Разве это не смешно? — И расхохотался снова.

В мгновение ока Мунисай выхватил меч и, шагнув к Ситиноскэ, сделал резкий выпад в его сторону. Мальчик, словно молния, увернулся от удара и отпрыгнул так, что оказался позади отца. Он принялся бегать кругами по двору, а Мунисай погнался за ним, размахивая мечом. Ситиноскэ умело уклонялся от ударов. Тогда отец уже по-настоящему рассердился и всерьез погнался за мальчиком. После того как меч просвистел совсем рядом с его головой, Ситиноскэ решил, что пришло время уходить, — он перемахнул через изгородь и со всех ног помчался прочь.

Неподалеку от Симми находилась деревня под названием Номура. В этой деревне был храм, который назывался Косёдзи. Настоятель храма приходился Мунисаю шурином. Ситиноскэ часто бывал у дяди, и сейчас, опасаясь встречи с отцом после случившегося, он тоже поспешил в Косёдзи.

Когда он прибежал в храм, дядя, увидев его возбуждение, спросил:

— Что случилось? Что так взволновало тебя?

Ситиноскэ вытер пот со лба и рассказал, что произошло, добавив:

— Я часто слышал, как люди говорят о том, что мой отец превосходный фехтовальщик, но я не подозревал, что он настолько хорош. Я боюсь показываться ему на глаза до тех пор, пока он не простит меня. Пожалуйста, походи к нему и попроси за меня!

— Ты хочешь сказать, что устроил проверку, действительно ли твоему отцу нет равных во владении мечом? — спросил настоятель. — Да, это на тебя похоже — исключительное самомнение и ни малейшего уважения к старшим! Мунисай не только отец тебе, но и твой учитель. Его доброта к тебе глубже, чем море, и выше, чем гора Сюмисэн. А ты, как есть подлый плут, презрел отцовскую любовь! Я, конечно, пойду просить за тебя, но что я ему скажу? — Немного подумав, он продолжил: — Ты мой племянник, и я сделаю для тебя все, что смогу. Но есть, однако, вероятность, что у меня ничего не выйдет.

Добрый старик зашагал в направлении деревни Симми. Несмотря на дурные черты характера Ситиноскэ, дядя очень любил своего племянника и считал, что благородство в мальчике превосходит его недостатки.

Придя к Мунисаю, настоятель обратился к нему так:

— Я узнал, что Ситиноскэ был возмутительно невежлив с тобой, и я не сомневаюсь, что тебе очень трудно снести его оскорбления. Но, поскольку он — твой родной сын, не можешь ли ты простить его на этот раз? Он очень напуган случившимся и боится встретиться с тобой, пока ты не простишь его.

— Я знал, что он придет к тебе, — ответил Мунисай, — поэтому не беспокойся за него. Я очень благодарен тебе за твою доброту к Ситиноскэ. Хоть я и смотрю на него отцовскими глазами, я все же понимаю, что это необычный мальчик и что, когда вырастет, он станет очень известным. Но в последнее

время я стал замечать, что он все больше надувается от самоуверенности. В нем нет уважения к мнению и чувствам людей. Суэта в стране привела к тому, что люди забыли о долге, пренебрегают хорошими манерами, и в результате процветает всевозможное зло. Я много раз бранил Ситиноскэ за самонадеянность, но все без толку. Поэтому решил, что лучше всего будет выгнать его из дома на некоторое время.

В этом тебе может привидеться недостаток родительского чувства, но на самом деле это не так. В нем больше истинной любви, нежели было бы в проявлении снисходительности. Мне грустно признаваться в этом, но Ситиноскэ безразличен к книгам. А как тебе хорошо известно, учеба и война подобны двум колесам колесницы — это два средства, которыми человек совершенствуется. Если одно отсутствует, то второе становится бесполезным. Я думаю, что, быть может, у тебя получится побудить Ситиноскэ к учебе. Прошу тебя позволить ему остаться при храме до тех пор, пока ты не решишь, что он исправился. Если ты согласишься на такое одолжение, я буду всю жизнь тебе благодарен.

Священник не возражал. Вернувшись в храм, он сообщил Ситиноскэ, что отец слишком разгневан, чтобы разрешить ему вернуться обратно в дом, и потому ему ничего не остается, кроме как остаться там, где он есть. Но, поскольку о пребывании при храме в праздности не может быть и речи, ему надлежит немедленно приступить к изучению книг. Ситиноскэ пообещал, что поступит как ему сказано.

В это время в Химэдзи жил знаменитый мастер фехтования на мечах, носивший имя Арима Кихэйдзи Итиёкэн Нобуката. Нобуката учил стилю фехтования, который назывался Арима-рю. По обычаю тех времен, он провел годы в странствиях по стране, совершенствуя свой стиль, а затем поселился в Химэдзи и открыл там, в которой занимались около трехсот учеников, включая и всю местную элиту. В Химэдзи учитель пользовался необычайной популярностью. У двери его школы была установлена табличка и на ней золотом было начертано, что он является основоположником стиля фехтования, подобного которому не было от сотворения мира.

Однажды священник послал Ситиноскэ с каким-то поручением, и тому случилось проходить мимо дома Нобукаты. Табличка привлекла внимание мальчика. «Какая дерзость! — подумал он. — Прочитав эту надпись, можно вообразить, что Нобуката — единственный фехтовальщик во вселенной. Мой отец говорил, что основателям различных стилей фехтования нет числа, а этот человек претендует на то, что придуманный им стиль превосходит все на свете. Истинно говорят, что человеческое тщеславие губительно. Я исполню волю Небес и накажу этого человека за его глупую дерзость».

И Ситиноскэ вытащил из ящика, который он нес, письменные принадлежности и, забравшись на стоявшую у ворот бочку с водой, написал на краю таблички: «И-но кавасу, дайкай-во сирасу» («Лягушка из колодца не знает о великом море ничего»). А рядом добавил: «Это написал Ёсиока Ситиноскэ из Косёдзи, что в Номуре».

Нобуката проводил, как обычно, свои уроки, и вдруг его внимание привлёк шум, доно-

сившийся от ворот школы, — там творился какой-то беспорядок. Что могло случиться? Он велел одному из учеников сходить посмотреть.

Узнав, в чем дело, учитель фехтования пришел в неопишемую ярость:

— Какой же гнусный негодяй тот, кто совершил это! Осквернив мою табличку, он осквернил меня! Позор лег на мою школу фехтования! Неслыханное оскорбление, подобного которому никогда не было в жизни Аримы! Но мы выясним, кто лучше! И только настоящими мечами! Пусть один из вас отправится к этому Ситиноскэ и за волосы притащит его ко мне!

Один из учеников тотчас же отправился к храму Косёдзи. Прибыв на место, он потребовал у настоятеля, чтобы Ситиноскэ без промедления прибыл в школу господина Нобукаты.

Узнав, в чем дело, настоятель до смерти перепугался и ответил так:

— Я не могу принимать решения самостоятельно, я пойду и поговорю с Ситиноскэ. Ему в последнее время нездоровилось, и в этом, наверное, причина случившегося недоразумения. Хотя я в точности не знаю, в чем дело, но, возможно, Ситиноскэ отчасти безумен. В любом случае сейчас я к нему схожу, поговорю и расскажу вам о результате.

И настоятель поспешил к Ситиноскэ.

— Что же ты натворил? — воскликнул он, увидев племянника. — Знаешь ли ты, что учитель фехтования прислал к нам человека с вызовом на бой настоящими мечами? Что побудило тебя к столь безрассудному поведению? Понимаешь ли ты, что подвергаешь свою жизнь опасности?

— Пожалуйста, не надо так волноваться,— спокойно ответил мальчик.— Этот Арима Нобуката и не подозревает о том, что на свете есть еще люди, кроме него самого. Он сделал оскорбительную надпись на табличке, а я написал на ней ответ оттого, что возмутился, а не из озорства. А выяснять при помощи настоящих мечей, кто из нас лучше, как говорит пришедший парень,— это просто смешно! Я, конечно же, пойду туда немедленно и скрещу мечи с этим человеком. Но все это вовсе не стоит твоих волнений, дядя.

— Воистину, ты отчаянный маленький негодяй! — ответил священник.— Бесплезно ожидать благоразумия от такого, как ты: оставайся здесь, я сам все улажу.

Вернувшись к посланцу от Нобукаты, он сказал ему так:

— Да, действительно, благородный гнев вашего учителя небезоснователен. Совершенная Ситиноскэ шалость возмутительна. Должен вам сообщить, что этот Ситиноскэ — мой племянник. Он не дает оснований гордиться собой, как вы можете догадаться. Ему всего двенадцать лет. Я замечал, что в последнее время он стал чрезвычайно дерзок, и неоднократно был свидетелем случившихся с ним припадков гнева. Я не позволял ему покидать храм в последние несколько дней, но вчера послал с небольшим поручением в Химэдзи — и вот чем это закончилось. Я прошу вас принести вашему учителю мои искренние извинения и надеюсь, что он простит мальчишке его дурное поведение.

— Я полагал,— ответил посланец,— что тот, у кого хватило дерзости написать на табличке моего учителя, окажется выдающимся бойцом, но если вы говорите, что это дело рук ребенка, который болен и к тому же страдает припадками... Вряд ли у моего учителя есть основания уделять этому случаю внимание. Однако, поскольку я не имею полномочий договариваться с вами без его указания, я вернусь в школу, расскажу все и после сообщу вам о результате.

Выслушав рассказ посланца, Нобуката заметил:

— Я догадывался о чем-то подобном. Поскольку не было известно, кто виновник, обо мне могли подумать, будто я боюсь встречи с человеком, оскорбившим меня. Но раз это оказался мальчишка, биться с ним будет немужественно и недостойно. Однако для того, чтобы очиститься от бесчестья, связанного с порчей моей таблички, что-то необходимо предпринять. Кто, кроме нас, знает о том, что оскорбление нанесено ребенком?

Нобуката склонил голову, словно в глубокой задумчивости, а затем обратился к пришедшему из Номуры посланцу:

— Мне жаль причинять вам беспокойство, но я прошу вас еще раз сходить к священнику и передать ему, что я, согласно его просьбе, не буду принуждать Ситиноскэ драться со мной. Но, поскольку этот Ситиноскэ, очевидно, очень дурно воспитан, я прошу священника привести мальчишку завтра в полдень в сосновую рощу на окраине города, где я встречу с ним и преподам урок.

Когда посланец сообщил это, настоятель ответил:

— Я чрезвычайно благодарен за такую доброту. Ваш учитель не только оказался так добр, что согласился простить проступок Ситиноскэ, но и снизошел до того, чтобы дать ему наставления! Это превосходит все мои ожидания. Благодарю вас за потраченное на этот второй визит время. Передайте учителю, что мальчик будет в указанном месте завтра в полдень.

Нобуката захотел, чтобы об этом узнало как можно больше людей. Он повесил в разных частях города объявления, в которых сообщалось, что завтра в полдень Арима Кихэйдзи даст полезные наставления Ситиноскэ из Номуры и приглашаются слушатели.

На следующий день Нобуката, нарядившись в свою лучшую одежду, немногим ранее полудня прибыл к сосновой роще в паланкине, в сопровождении пятидесяти учеников. По прибытии он торжественно сел в приготовленное для него кресло. Народу собралось великое множество.

Настоятель храма Косэджи прибыл точно в назначенное время. В его руках были четки, а рядом с ним шел Ситиноскэ.

Священник подошел к Нобукате и, поклонившись, сказал:

— Как вы можете видеть, Ситиноскэ еще ребенок. Он чрезвычайно невежествен. Надеюсь, вы будете столь добры, что дадите ему наставления.

Нобуката не стал подниматься с кресла и лишь взглядом показал, что заметил обращение священника.

Обойдясь с настоятелем столь холодно, он повернулся к мальчику и сказал:

— Подойди ко мне, Ситиноскэ!

Ситиноскэ вышел вперед расслабленной походкой, слегка ссутулившись, и поклонился фехтовальщику.

— Я не кто иной, как знаменитый Арима Кихэйдзи,— торжественно провозгласил учитель фехтования.— Надпись, которую ты сделал на моей табличке,— это шалость самого возмутительного толка. Поскольку ты всего-навсего ребенок, я великодушно прощаю тебя, но то, что я тебе сейчас скажу, слушай внимательно. Я полагаю, что ты немного учился фехтованию. Многие дети твоего возраста обладают такими поверхностными знаниями, как у тебя. Поэтому задаваться тебе не следует.

«Какое бесстыдство! — подумал Ситиноскэ, услышав эти слова.— Этому парню стоило бы самому прислушаться к тем советам, которые он дает другим». Но его дядя находился рядом, поэтому Ситиноскэ не показал своего раздражения и только молча поклонился в знак согласия с утверждениями фехтовальщика.

— Значит, ты согласен с тем, что я говорю, да? Это хорошо. А теперь давай узнаем, чему ты учился. Подойди, мальчик, я хочу знать, какими приемами ты владеешь.

— Что ж, если вы этого действительно так сильно хотите,— ответил Ситиноскэ,— я покажу вам, на что способен.

Едва промолвив это, он молниеносно выхватил из-за пазухи короткий меч, и прежде, чем Кихэйдзи успел подумать о том, чтобы встать с кресла, Ситиноскэ с силой обрушил клинок ему на голову. Фехтовальщик издал короткий вскрик и скатился с кресла замертво.

Собравшихся охватило смятение. Ученики Кихэйдзи пришли в ярость. Один из них бросился к Ситиноскэ, но мальчик внезапно схватил его за волосы и бросил через себя. Тогда на него напали двое других. Одного из них Ситиноскэ ударил так, что тот упал навзничь, а второго ранил своим мечом, и тот не рискнул подойти повторно.

Увидев это, и другие ученики начали выхватывать мечи, подбадривая друг друга:

— Неужели мы с ним не справимся? Не так уж он и страшен! — И навалились на Ситиноскэ всем скопом.

Нисколько не уstraшившись, мальчик принялся отражать удары со всех сторон, уклоняясь, когда необходимо, и не пропускал ни одного удара или выпада, сам оставаясь невредимым, чем вызвал изумление у всех присутствовавших. Вдруг он сорвался с места, схватил за руку своего старого дядю, который стоял ни жив ни мертв от ужаса и смущения, и поспешил со всех ног прочь от этого места.

За поворотом дороги мальчик со священником натолкнулись на отряд самураев. Их предводитель выглядел очень важным человеком.

Ситиноскэ подбежал и обратился к нему:

— Прошу вас, господа самураи, не откажите нам в милости: за нами гонятся наши враги. Я не волнуюсь о себе, но умоляю вас о сострадании к этому старому священнику.

— Мы ничего не знаем об этом вашем деле, — ответил предводитель, — но, поскольку ты взываешь к нам как к самураям, мы не можем отказать тебе в помощи.

Он приказал спрятать беглецов в пустом паланкине, который несли с ними. Только

Ситиноскэ и его дядя успели спрятаться, как из-за поворота показались тридцать или сорок учеников Аримы.

Остановившись возле самураев, они спросили:

— Вы не видели здесь мальчика лет двенадцати или тринадцати в сопровождении священника?

— Нет, — ответил предводитель самураев. — Мы никого не видели. Ищите их в другом месте.

— Этого не может быть! — воскликнул один из преследователей. — Они только что повернули сюда. Вы никак не могли их пропустить. Они где-то здесь.

— Они в паланкине! Они в паланкине! Давайте посмотрим в паланкине! — закричали остальные ученики Кихэйдзи.

— Заглянуть в паланкин, который находится под моей защитой?! Такой дерзости я ни за что не спущу, — ответил им предводитель самураев. — Я Миямото Будзаэмон, вассал Като Киёмасы, властителя Хиго. Я не позволю даже пальцем указать на охраняемый мной паланкин, не говоря уже о том, чтобы заглянуть в него.

Сказав так, Будзаэмон выставил свое копье и занял боевое положение, готовый

броситься на каждого, кто приблизится. После чего добавил:

— Все желающие заглянуть в паланкин могут подходить. Прошу вас не стесняться.

Имя Киёмасы вызвало у учеников Кихэйдзи благоговейный ужас.

Они вдруг поняли, насколько опасными врагами могут быть встреченные ими люди, и хотя и были уверены, что самураи спрятали беглецов, но ответили так:

— Нет никакого сомнения в том, что мы ошиблись. Нам стоит пойти и поискать их где-нибудь в другом месте.— И, развернувшись, немедленно ушли.

Будзаэмон с улыбкой приказал своим людям двигаться дальше.

Спустя часа полтора он остановил процессию, и беглецов подвели к нему. Великодушная манера, с которой Ситиноскэ попросил защиты для священника, одновременно выразив безразличие к своей собственной участи, покорила его. Теперь, когда он лучше рассмотрел Ситиноскэ и обнаружил, что это еще совсем ребенок, смелость и благородство мальчика впечатлили его еще больше.

Священник поблагодарил своего спасителя самым почтительным образом:

— О господин, вы выручили нас в момент нашего чрезвычайного отчаяния,— сказал он.— И ваша доброта превышает нашу способность к благодарности.

После чего настоятель рассказал всю предшествовавшую историю.

Дослушав ее до конца, Будзаэмон обратился к Ситиноскэ с такими словами:

— Я восхищаюсь мужеством, проявленным тобой сегодня. Кто твой отец?

Ответом Ситиноскэ Будзаэмон оказался очень доволен.

Он сказал мальчику:

— С твоим отцом мы вместе служили клану Асикага. В те времена мы были с ним большими друзьями. Наши отношения походили на те, что бывают у рыбы с водой. С тех пор как сёгун погиб, мы не виделись. Я очень рад узнать, что Мунисай остался в живых. Мы пойдем к тебе домой вместе.

— Мне не позволено бывать в доме моего отца, господин,— отвечал Ситиноскэ,— поскольку я наказан.

— Но почему? Что случилось? — спросил Будзаэмон.

Тогда священник вышел вперед и объяснил, по какой причине Ситиноскэ был изгнан из родительского дома.

После чего Будзаэмон обратился к настоятелю так:

— У меня есть дело, которое я хотел бы обсудить с вами. Мы должны вместе отправиться к вам в храм.

Когда они прибыли в Косёдзи, Будзаэмон заметил:

— Ситиноскэ убил Кихэйдзи и нескольких его учеников. Конечно же, его товарищи и друзья захотят отомстить. Вот почему я советую вам как можно скорее распорядиться вашим имуществом и оставить это место. Мальчика я отведу к его отцу, и вместе мы придумаем, где укрыть его.

Мунисаю уже сообщили, что его сын виновен в оскорвлении таблички Нобукаты, и он предполагал, что настоятель Косёдзи сильно волнуется по этому поводу. Он уже сожалел о том, как поступил с сыном.

Когда Будзаэмон и Ситиноскэ подошли к двери, Мунисай пребывал в раздумьях, чем же закончится это дело. Открыть вышел Сэйдзабуро.

— Это ли дом господина Ёсиоки Мунисая? — спросил Будзаэмон.

— Совершенно верно, — ответил Сэйдзабуро. — Как зовут благородного господина, к которому я имею честь обращаться? Мой отец дома, и я прошу вас войти.

— Я старинный друг Мунисая, — сказал Будзаэмон, заходя в дом, — так что я намерен войти без дальнейших церемоний.

Два самурая встретились, соблюдая все требования, какие этикет того времени выдвигал к приветствию, а после принялись рассказывать друг другу о приключившемся с ними за годы разлуки.

— Мне повезло, — сказал Будзаэмон, — оказаться под покровительством Киёмасы, и мои дела идут прекрасно. Если есть что-нибудь, что я могу сделать для моего старого друга, то, я надеюсь, ты не скроешь этого от меня.

— Спасибо, — ответил Мунисай. — Хотя нынче я и пребываю в неподобающей озабоченности, на самом деле я здоров, ни на что не жалуясь и в помощи не нуждаюсь, однако я благодарен за твое великодушное предложение.

Пока они проводили время за беседой, Сэйдзабуро приготовил для гостя угощение.

Предлагая его Будзаэмону, Мунисай сказал:

— У нас нет ничего из съестного, что было бы достойно тебя. Однако, хоть предлагаемая пища и невкусна, позволь мне просить тебя попробовать немного сакана*. Это сакана, боюсь, с одними овощами.

— Если это угощение, — ответил его друг, — будет свидетельствовать о добром отношении Мунисая к Будзаэмону, то и овощное сакана будет вкуснее любого другого, но поданного без соответствующего чувства. Однако есть особое сакана, какое я хочу попросить у тебя. Не откажешь ли ты мне в этом?

Мунисай улыбнулся и ответил:

— Не сомневайся, проси все, что у меня есть, мой добрый приятель!

— О, — возразил Будзаэмон, — допускаю, ты не понимаешь, о каком сакана я веду речь. А ведь я намекаю на твоего сына — Ситиноскэ.

И он рассказал Мунисаю о том, при каких обстоятельствах он встретился с его сыном.

— Я переполнен восхищением перед смелостью мальчика и истинным благородством его природы. Если ты согласишься расстаться с ним, то, поскольку я не имею счастья быть родителем, ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем усыновить Ситиноскэ и забрать его с собой в Кумамото. Мне кажется, что ему не стоило бы оставаться здесь. Ученики Кихэйдзи определенно придут искать его сюда. Если ты решишься на разлуку с этим благородным юношей, это закрепит нашу многолетнюю дружбу навеки, а я останусь на всю жизнь обязанным тебе.

* Сакана — закуска для саке.

ИЗ ВЕЩЕЙ ТАКАСАКИ

По прибытии в замок Кумамото Будзаэмон отправился с докладом к даймё. Обнаружив, что Като Киёмаса склонен к разговору, он рассказал ему историю Ситиноскэ и попросил разрешения усыновить его.

Даймё восхитился смелостью мальчика и сказал:

— Конечно, усыновляй его. Это везение — найти такого сына.

День за днем Будзаэмон знакомил Ситиноскэ с теми умениями и искусствами, которым принято было обучать отпрысков благородных семейств,— и во всем мальчик добивался замечательных успехов, демонстрируя удивительную способность из одной открывающейся ему вещи делать десять верных выводов.

Стиль фехтования Будзаэмона существенно отличался от манеры Мунисая. Мунисай был автором стиля, известного под названием Дзикэн-рю, где использовался очень короткий меч — около 35 см длиной. Будзаэмон практиковал стиль Курама-рю, меч в котором был гораздо длиннее. Ситиноскэ, с его способностью к фехтованию, очень скоро освоил новый для него стиль Будзаэмона, но и от отцовского отказываться не захотел. Ему казалось, что манера фехтования связывает его с Мунисаем больше, чем что-либо другое.

Однажды, проводя свое время в раздумьях об этом, юноша забрел на гору Асо, где стоял знаменитый храм, воздвигнутый во славу великого бога Асо. Там Ситиноскэ вознес молитву о том, чтобы в стране случилось как можно больше войн и чтобы они продлились как можно дольше. Это был праздничный день, и на площади перед храмом устраивали театральные представления. Среди выступающих была одна женщина. Она исполнила необычный танец, во время которого в обеих руках держала по мечу, управляясь с ними с замечательной ловкостью. Увидев ее движения, Ситиноскэ вдруг задумался о том, что если с двумя мечами можно проделывать такие удивительные вещи для красоты, то в руках умелого бойца это мастерство может принести немалую пользу в схватке.

«Вот выход, — сказал он себе, — из противоречия между двумя стилями, отцовским и тем, которому учит меня Будзаэмон.

Если я научусь использовать с одинаковой эффективностью короткий и длинный мечи одновременно, то смогу практиковать стиль Будзаэмона, не отказываясь от отцовского».

Ситиноскэ вернулся в храм и вознес торжественные обеты и молитвы, призвав богов помочь ему в воплощении этой идеи. После чего он отправился домой и принялся за упражнения. Он упорно тренировался неделю за неделей и месяц за месяцем, пока не довел новую манеру до совершенства. Наконец, почувствовав уверенность в успехе, он сообщил всем, что изобрел новый стиль в фехтовании, который назвал Нито-рю («стиль Двух Мечей»).

Это было исключительное изобретение, порожденное особой причиной морального свойства. Новый стиль фехтования был вызван сыновним чувством.

Если бы Ситиноскэ был менее предан родному отцу, то он, конечно же, предпочел бы стиль Курама-рю, а не был бы он верен приемному, то продолжил бы практиковать Дзикэн-рю. Чувства, которые Ситиноскэ испытывал к обоим своим отцам, он сумел вложить, объединив их стили в собственный стиль Нито-рю.

